

ВТОРНИК

Водитель Володя не скрывал удивления, услышав адрес, по которому следовало с утра пораньше отвезти московских командированных.

— Угол Красина и Арктической? Это ж гиблое место! Там раньше, при прежнем мэре еще, наркоманы тусовались, в аккурат вокруг памятника, там продавали-покупали, там же и кололись. Нормальные люди это место за три квартала стороной обходили.

— Сейчас тоже продают? — поинтересовался Коротков.

Володя отрицательно мотнул головой.

— Не, теперь уже нет, как новый начальник УВД пришел, так порядочек навели. Но все равно место плохое. Знаете, говорят про ауры всякие там, про поля... Я в это не особо верю, не разбираюсь, но в этом месте точно что-то есть. Так и не выветрилось до сих пор. Там ведь и скверик был симпатичный, когда я еще молодым был и в такси начинал ра-

ботать, все время туда парней и девчонок на свидания подвозил, там у них романтическое место встреч было. А как наркоманы расплодились, так ни одной приличной рожи вокруг не стало. Теперь скверик в порядок привели, цветники разбили, травку стригут, скамейки покрасили, а все равно в нем никто не гуляет и не встречается.

Настя открыла на айпаде карту Вербицка. Улицы Красина и Арктическая находились совсем рядом с проспектом Ермака. Значит, не случайно Егоров выбрал это место.

Майор уже ждал их, его одинокая фигура с опущенными плечами была заметна изда- лека. Вместо приветствия он молча протянул Короткову несколько вырванных из блокнота листков, заполненных крупным малоразбор- чивым почерком.

— В общем, вы все поняли, — сказал он. — Небось, подумали, что у меня паран- оий? Нет, этим не грешу. Всю ночь голову ломал, как так могло получиться. Меня по- ставили в колею и наблюдают, как я по ней иду. Если я попытаюсь из нее выползти и куда-то свернуть, меня в момент окоротят. В колею поставят другого, поспокойнее и поумнее. Настасья вчера засветилась на Ер- мака, и если мои наблюдатели люди опыт- ные, то второе ее появление они точно не пропустят.

■ — Понял, — кивнул Коротков.

— Я сегодня с самого утра уже в контору сгонял, посмотрел ксерокопии материалов, они у меня в сейфе лежат, — продолжал Егоров. — И понял, что Милюкова искала. В папке, которую нашли у нее дома и которую следователь изъял, были материалы редакторов для сценария передачи с нашим мэром Смелковым. И там есть парочка адресов. Прямо рядом с проспектом Ермака. Видно, наша потерпевшая решила туда сама сходить. И кому-то это очень не понравилось.

Коротков нахмурился.

— Что за адреса? — спросил он.

— Дом, где Смелков жил в детстве и юности, и школа, в которой он учился. Причем в материалах редакторов есть записанные интервью со старыми учителями, которые еще помнят нашего мэра подростком.

— Зачем же тогда Милюкова ходила в школу? Что еще она хотела там выяснить? — удивилась Настя.

— Да какая школа, ты что! — поморщился Егоров. — Время-то было после восьми вечера, ни одна школа не работает, там и нет никого, кроме сторожа. Нет, не в школу она ходила. Но ты, москвичка, вчера выяснила, что Милюкова куда-то ходила именно в том направлении. И надо обязательно выяснить, куда точно и зачем. Потому что если не в школу, значит, в дом, где жил когда-то мэр. Или еще куда-то.

— Может, все-таки в магазин?— засомневалась Настя.

— В магазин за продуктами она ходила, вернувшись с работы. Потом провела какое-то время дома и только потом вышла с собакой. И с этого момента начинается черт знает что.

— Ну а вдруг ей не удалось в первый раз купить все, что нужно? — настаивала она. — И Милюкова вышла еще раз, направилась уже в другой магазин, заодно и собаку прогуляла.

— Да нет в той стороне ни одного приличного магазина, — вздохнул Егоров. — Я проверял. Короче, мальчишки-девочки, надо понять две вещи: куда Милюкова ходила на самом деле и почему образовалась эта разница в информации. Узнаем первое — узнаем и второе.

— Или хотя бы сможем предположить, — добавила Настя. — Хотя, учитывая источник этой информации, уже и так понятно, откуда ноги растут. Но непонятно, зачем они оттуда растут. Должен же быть какой-то смысл в этом. Витя, а что с чемоданом? Есть ответ от экспертов?

Виктор поморщился, словно она напомнила ему о необходимости посетить стоматолога, работающего без обезболивания.

— Ох, москвичка, доведешь ты меня до греха... Но ты была права. Я Донникову, сле-

дачку, предупрежу, пусть сама с этим Загребельным ковыряется.

— А тебе самому разве не интересно?

— У меня одна голова, ее на два дела не хватает, она у меня пополам не делится, — сердито ответил майор. — Рабочее время у меня тоже одно и на количество дел не умножается.

Потом скупно улыбнулся и добавил:

— Но ты все равно молодец, хотя от тебя проблем только прибавляется. Сразу видно, что у дяди Назара училась.

Коротков с Егоровым еще уточняли и оговаривали какие-то детали, а Настя села в машину и поехала в гостиницу переодеваться: приличный костюм она привезла в дом Ворожца еще в воскресенье, в день мероприятия в театре, и сегодня снова надела, а вот блузку надо бы сменить. Предстоящие визиты в муниципальные службы ее не вдохновляли ни капельки, но она, следуя недавно постановленному для себя правилу, старалась найти в сложившейся ситуации самые яркие положительные моменты. Она сделает что-то полезное для достижения цели, ради которой их сюда отправил брат Александр, и ее действия хотя бы немного приблизят момент окончания работы и возвращения домой. А Коротков за это время тоже сделает что-то нужное и полезное для Виктора Егорова, ибо миллицейское братство никто еще не отменял,

хоть и переименовали милицию в полицию. Но Юрка, как и она сама, побыть полицейским не успел и до сих пор называет себя «ментом». И вообще, тот факт, что сегодня ей придется мотаться по скучным бумажным делам, является прямым следствием того, как она поработала вчера на проспекте Ермака. А это значит, что поработала она хорошо и профессионализма пока не утратила. Разве это не повод порадоваться?

* * *

Игорь Валерьевич Баев привык поздно ложиться и рано вставать, четырех-пяти часов ему вполне хватало для того, чтобы выспаться. Обычно он просыпался в полной тишине, жена Алиса вставала на час позже и начинала поднимать старшего мальчика, Ванечку, которого следовало отправить в школу. Сейчас лето, каникулы, но Алисе взбрело в голову устроить Ваньку в какой-то продвинутый летний лагерь для младших школьников. Если верить рекламе и обещаниям, дававшимся организаторами лагеря на собрании родителей, дети будут находиться на природе с девяти утра до семи вечера, получать трехразовое питание, углубленно изучать гуманитарные предметы и иностранные языки, играть в развивающие игры и заниматься различной физической подготовкой. Баев против идеи

не возражал, сам он в средней школе был отличником, учился легко, и приличные, но далеко не самые высокие отметки у приемного сына его удивляли: ведь школьная программа — это так легко! Любой дурак справится. Если не справляется, значит, просто ленится. И пребывание в летнем образовательном лагере должно было, по разумению полковника, только способствовать развитию ребенка и воспитанию в нем необходимых качеств. Сам он в учебу Ваньки не вникал, отдав это на откуп жене, и вполне удовлетворялся сообщениями «по математике четверка» или «по английскому пятерка». Правда, Баева несколько удивило, что в этом лагере-школе давали еще какие-то домашние задания. Ему казалось, что если ребенок находится под надзором педагогов целый день, то и уроки должен делать там же. На его вопрос Алиса уверенно ответила, что педагоги в лагере считают, будто неправильно вынуждать ребенка делать домашние задания сразу после того, как он отсидит четыре или даже пять уроков. Ребенок должен отвлечься, пообедать, поиграть на свежем воздухе, позаниматься спортом, за это время мозг отдохнет, обогатится кислородом, а вечером самое время поделать уроки. Это показалось Игорю Валерьевичу разумным.

Но сегодня Баев проснулся не от звонка будильника, а от громких голосов.

— Ты не пойдешь в лагерь, пока не перепишешь сочинение! — орала Алиса, почти срываясь на визг.

Баев в недоумении посмотрел на циферблат часов: неужели он проспал? Такого за ним никогда не водилось... Нет, до звонка еще десять минут. Что случилось?

До него донеслись сдавленные всхлипывания: девятилетний Ванька плакал. Баев встал, накинул спортивный костюм и вышел из спальни. Дверь в комнату сына распахнута настежь, мальчик сидит за письменным столом, а Алиса стоит над ним с разгневанным лицом.

— Что у вас случилось? — недовольно спросил Баев. — Не кричите так, Валерку разбудите.

Трехлетний сын Валерка спал в спальне родителей, куда поставили его кроватку.

Алиса схватила лежащую на столе тетрадь и сунула ее Баеву прямо в лицо.

— Вот, полюбуйся! Почитай-почитай! Им задали написать дома сочинение на тему «Почему нужно учиться». Там ошибок больше, чем букв!

Баев рассеянно взял тетрадь и пробежал глазами несколько строк. Ошибки — да, и много. Почти в каждом слове по две-три. Но что намного хуже — нет связно изложенной мысли. Такую работу сдавать просто стыдно.

— Мама права, — строго произнес он. — Так не годится. Надо написать заново.

— Он вчера допоздна смотрел мультики, — сердито говорила Алиса, — и пообещал, что встанет утром пораньше и доделает уроки. Я специально поднялась ни свет ни заря, чтобы его проконтролировать. И вот, пожалуйста! Написал! А если бы не встала и не проверила? Он бы это позорище сдал сегодня учительнице и получил свой законный «кол». Просто чудовищно! В школе по русскому языку у него всегда были приличные оценки. А тут — стоило перенести уроки с вечера на утро, и голова уже ничего не сообщает. Все, больше никаких нарушений режимов! Никаких мультиков допоздна, и вообще никаких развлечений, пока не будут сделаны все уроки.

Она заглянула в тетрадь, в которой сынишка, хлюпая носом и глотая слезы, старательно выводил: «Сочинение». И строчкой ниже: «Почему нужно учиться».

Баев вздохнул и пошел на кухню готовить себе завтрак. Поскольку Алиса обычно вставала позже и занималась только Ваней, он привык по утрам обслуживать себя самостоятельно. Алиса вышла вслед за ним, молча уселась за стол и принялась грызть орехи, насыпанные в стоящую на столе вазочку.

— Алиса, с ребенком нужно заниматься, — сказал Игорь Валерьевич, разбивая сырые яйца о край сковороды, чтобы сделать себе глазунью.

— Думаешь, я не понимаю?! — взорвалась Алиса. — Я же именно поэтому постоянно отправляю Ваньку к бабке, она как-никак учительница, она умеет с детьми заниматься, умеет объяснять и учить. А я не умею. Выходит, ребенок настолько тупой, что ничему не может научиться. Я так надеялась на этот лагерь, они же обещали развивающие игры... А там требования такие, что Ванька не справляется.

— Но ведь у него были хорошие оценки по всем предметам, — заметил Баев. — С обычной-то программой он справляется, и неплохо. И какие уж такие особенные требования в этом лагере? Написать пять предложений с ответом на простой вопрос? Не преувеличивай. Просто именно сегодня у него голова не на месте. Это с каждым может случиться. Зря ты такую панику разводишь. Вместо того чтобы орать с утра пораньше, лучше бы села с ним рядом и объяснила хотя бы одно правило, чтобы он самостоятельно исправил хотя бы одну ошибку.

— Думаешь, я не объясняла?

Алиса сразу сбавила тон и теперь заговорила виновато и горько:

— Объяснила, он повторил за мной три раза. А исправить в своем же сочинении не сумел. Не понимаю, что с парнем творится. Может, его надо доктору показать? А вдруг он слабоумный?

Глазунья поджарилась, Баев поставил сковородку на подставку и начал резать хлеб. Он уже заваривал чай, когда в кухне появился Ваня с тетрадкой в руке.

— Ну? — Алиса строго посмотрела на сына. — Переписал?

— Да, — прошептал мальчик.

— Давай сюда.

Глянув на сочинение, Алиса молча передала тетрадь мужу. Баев мысленно чертыхнулся: этот вариант оказался еще хуже. Ошибок не меньше, а бессвязности больше.

— Это не годится, — твердо сказал он. — Пойди и напиши еще раз.

— Я не знаю, что писать, — едва слышно проговорил Ваня. — Я не умею.

— Что значит «я не знаю»! — снова взорвалась Алиса. — Ты в школе каждый месяц писал сочинения! И получал за них пятерки! А теперь не знаешь и не умеешь? Да ты просто бездельник и лентяй!

Мальчик смотрел в пол и молчал. По его щекам катились крупные прозрачные слезы.

— Мне бабушка всегда говорила, что написать. Она мне диктовала, потом ошибки исправляла, а потом я переписывал, — выдавил он.

— Что?! — взревел Баев. — Бабушка диктовала?!

Алиса побледнела и шагнула к сыну, инстинктивно прикрывая его собой. Баев мгно-

венно остыл. Неужели жена думает, что он способен поднять руку на ребенка? Кем она его считает? Чудовищем? Зверем? «А ты и есть чудовище, — зло ответил сам себе Игорь Валерьевич. — Ты и есть зверь».

— Иди к себе, сынок, — произнес он почти спокойно. — Здесь много ошибок, нужно переписать еще раз. Открой учебник и прочти правила. Давай, иди, через час вам с мамой нужно выезжать, а то опоздаешь в лагерь.

Ваня поплелся к себе. Алиса нервными движениями налила в стакан воду прямо из-под крана и выпила залпом.

— Ну что, — холодно проговорил Баев, — допрыгалась? Тебе так хотелось не портить отношения с бабушкой своего ребенка, ты чувствовала себя такой виноватой из-за того, что бросила ее драгоценного сыночка! Поэтому ты позволила ей постоянно брать Ваньку из школы и проводить с ним целые дни. Конечно, ты только радовалась: ребенком можно не заниматься, он присмотрен, для Валерки няньку наняла и шляешься с утра до вечера по подружкам и салонам. Думаешь, я не знаю, сколько времени ты в этих салонах проводишь? Мне Галка все докладывает, мне каждый твой шаг известен. Я ведь тебя предупреждал: не подлизывайся к Ванькиной бабушке. Но разве ты меня слушаешь? Все твои штучки мне понятны, ты просто обеспечиваешь себе тылы на тот случай, если придется

разводиться со мной. Все надеешься встретить кого-нибудь помоложе и получше меня, все любви какой-то неземной ждешь, а если окажется, что у него не будет денег и ты не сможешь содержать прислугу, то детей можно будет бабуле спихнуть, так? Ты ведь для этого изображаешь дружбу и любовь?

— Ну как тебе не стыдно? Она же учительница, она работает в той же школе, где Ванька учится, — с упреком заговорила Алиса. — Я хотела, чтобы ребенок был в хороших руках, чтобы опытный педагог следил и помогал...

— Помогал? — Баев перешел на грозный шепот. — Следил? А ты с учительницей Ванькиной хоть раз говорила об этом?

— Я, между прочим, в отличие от тебя, на родительские собрания хожу, и Ванечку там хвалят.

— Конечно, хвалят, он же внук завуча! А ты что хочешь, чтобы не хвалили? Завуч не может себе позволить, чтобы про ее внука говорили «неуч» и «бездарь». Она костями ложится, чтобы добиться хороших оценок для парня. Да она просто давит на учителей, вот и все его четверки и пятерки, хотя на самом деле больше тройки с минусом он не заслужил. Ты пойди и спроси у Ваньки, как он контрольные пишет. Пойди-пойди.

Алиса вышла из кухни, хлопнув дверью. «Дура, — с вновь вспыхнувшей злостью подумал Баев. — Ребенка разбудит».

Он составил использованную посуду в раковину и пошел одеваться. Из коридора ему слышно было, как жена разговаривает с Ваней. Конечно, все именно так, как он и предполагал: завуч приносила домой варианты контрольных работ и прорабатывала их с внуком. Отсюда и приличные оценки. Чего ж удивляться, что парень в девять лет не умеет мыслить самостоятельно? Зачем напрягаться, если добренькая бабушка все подскажет и все поправит, а если что-то пойдет не так во время устного ответа на уроке или на контрольной, то та же бабушка поговорит с учительницей.

Обычно Игорь Валерьевич выходил из дома намного позже, но сегодня ему нужно было встретиться с мэром: Костя позвонил вчера вечером и попросил заехать с утра.

Площадь перед зданием администрации города была пуста, рабочий день начнется только через час. Водитель подвез полковника прямо к двери, стоявший на входе полицейский вытянулся в струнку. Баев быстрыми шагами прошел хорошо знакомый маршрут от входа до приемной мэра. Сколько раз он проделал этот путь за последние четыре года? И не сосчитать... А сколько раз еще ему доведется здесь побывать? Вот это вопрос. Если Костя Смелков не выиграет выборы, виноват в этом будет тоже он, полковник Баев. Он всегда был виноват, с самого начала.

В приемной секретарь Олеся, разложив на столе содержимое косметички, судорожно наводила красоту: видно, проспала, забыла, что шеф велел выйти к восьми утра. Увидев начальника УВД, смутилась и вскочила:

— Проходите, Игорь Валерьевич.

Смелков был в кабинете не один, за столом для совещаний восседал сияющий Гена Лаевич, руководитель предвыборного штаба. Не скрывая удовольствия, Лаевич поведал, что последний социологический опрос показал резкий рост популярности нынешнего мэра и столь же резкое снижение рейтинга его основного соперника Горчевского. Цифры, которые он называл, звучали весьма убедительно.

— После того, как все СМИ озвучили содержание писем, найденных у убитой Милюковой, население ударными темпами начало отворачиваться от Горчевского. — Лаевич буквально захлебывался от восторга. — Никто уже не сомневается, что Милюкову убили по заказу Горчевского из-за отказа сделать программу о строительстве трассы так, как ему выгодно. Если бы выборы состоялись завтра, в нашей победе можно было бы не сомневаться.

Баев хмуро слушал и кивал. Смелков довольно улыбался. Лаевич в полной мере наслаждался триумфом и был отпущен. Полковник и мэр остались вдвоем.

— Слышал? — спросил Константин Кириллович. — И что скажешь?

— Ничего не скажу, — угрюмо ответил Баев. — Вина Горчевского пока не доказана. И крайне маловероятно, что мы сможем ее доказать.

— Да я понимаю, — кивнул мэр. — Я все понимаю. Но хотя бы удержать население в рамках этих сомнений ты можешь? Надо дотянуть эту резину до выборов, Игорь. Ты ничего пока не сумел сделать с проблемой экологов, мой рейтинг из-за этого стремительно падал, так хоть с Горчевским удержишься.

— Как ты себе это представляешь?! — неожиданно вспыхнул обычно сдержанный полковник. — До выборов почти четыре месяца. Ты о процессуальных сроках что-нибудь слышал? Ты знаешь о том, что ни одно следствие не может длиться вечно? Максимум через два месяца я должен или представить реального подозреваемого, или дело приостанавливается. Таков закон, Костя. Впрочем, ты законы не читаешь, это мы уже выяснили.

— Ну чего ты раскипятился? — Смелков улыбнулся примирительно и мягко. — Я же сказал, что все понимаю. Что нужно для того, чтобы дело не приостанавливали?

— Нужно, чтобы был подозреваемый. Хоть какой-нибудь. Тогда можно вести работу по проверке его показаний и по сбору доказательств.

— Ну? И ты что-нибудь делаешь в этом направлении?

— Да сделал уже все, что нужно. Дал команду, чтобы моего человека временно освободили от работы по экологам и поставили на версию Горчевского, а другого подозреваемого чтобы искал кто-нибудь другой, правильно замотивированный. Есть у нас в убойном отделе один опер, алкаш, но с ярким прошлым, которое он никак не может забыть, поэтому злится на весь мир. Если ему поручить работать по такому громкому делу, он себе задницу в китайскую лапшу порвет, чтобы раскрыть преступление и показать всем, чего он стоит и что умеет. Вот он и ищет второго подозреваемого, желательно с бытовым мотивом, и если найдет, мы его закроем и сможем потянуть сроки следствия.

— А он найдет?

— Найдет, — усмехнулся Баев. — Обязательно найдет. Ему выпал шанс, который он не упустит.

— А если...

— Поправим, поможем, — успокоил мэра полковник. — А что в области? Удалось прижать к ногтю департамент транспорта?

Лицо Смелкова помрачнело, он удрученно покачал головой.

— В пролете. Этот гад из департамента успел вовремя подсуетиться, все концы подчистил. Как знал, сволочуга, что это мои

главные козыри. И ведь это уже не в первый раз, Игорь! Только я соберусь организовать что-то — у меня буквально почву из-под ног выбивают. Может, информация утекает?

— Откуда? — усмехнулся Баев. — Из твоего кабинета? Ты ведь даже по телефону в последние полгода ничего ни с кем не обсуждаешь, только лично и только в проверенных местах.

А про себя подумал: «Просто ты хреновый стратег, Костик. И комбинации продумать не умеешь. Они у тебя все примитивные и просматриваются невооруженным глазом. Слишком легко тебе все давалось всегда благодаря дару убеждения и харизме, слишком быстро и ловко все получалось, и ты решил, что так будет во всем. Харизмой можно одурачить работников твоего завода, даже население целого города можно в себя влюбить, но с аппаратными чиновниками эти номера не проходят».

— Ты видел парня, которого Лорик привела на юбилей? — неожиданно сменил тему Смелков. — Правда, славный? Не понимаю, почему она не хотела знакомить его с нами.

— Славный, — скупое подтвердил Игорь Валерьевич.

Интересно, где Петька откопал этого «женуха»? Они вдвоем, Баев и Ворожец, делают все для того, чтобы устранить любые помехи на пути Кости к креслу мэра на новый срок.

Если Костя и Верочка узнают, с кем встречается (читай — живет) их дочка Лариса, они не промолчат. Надо знать характер Лорика, чтобы понимать, чем это закончится. Девка в знак протеста начнет выкаблучиваться и перестанет скрывать своего придурка-наркомана, будет открыто с ним всюду появляться, требовать у родителей денег и привозить его в резиденцию. День-два — и все появится в СМИ, журналисты такого не упустят. Лорик не захочет считаться с тем, что такой скандал может повредить ее отцу в предвыборной кампании. Именно поэтому Баев использует собственный служебный ресурс, чтобы прикрывать похождения Ларискиного любовника. «Дочь мэра влюблена в мелкого наркодилера», «Местные наркобароны пользуются покровительством семьи мэра Вербицка»... Да бог знает еще какие заголовки появятся. Если это все же случится, то виноват будет опять же начальник УВД. С Петьки-то какой спрос? Он и так делает, что может, и вся посильная помощь Косте оплачена деньгами Ворожца.

— У тебя все? Мне надо идти, дел много.

— Конечно, — рассеянно ответил Константин Кириллович, — иди, Игорь.

Вообще-то это было ложью, только что пришедшей на ум Баеву. Никаких других дел до утреннего оперативного совещания, назначенного на 11 часов, он не планировал. Но

сегодняшняя сцена с женой и Ванькой снова подняла муть со дна его души, и теперь эта муть трансформировалась сначала в злобу, потом в страх, потом в безысходность. И время есть...

Выйдя на площадь, он подошел к машине, велел водителю ехать в гараж УВД и пешком отправился в ближайший храм. «Если закрыто — значит, не судьба. Значит, так и правильно», — говорил себе Игорь Валерьевич.

Но храм был открыт. На двери висит расписание служб, Баев мазнул по нему глазами — сегодня первая служба начнется в девять утра, у него есть еще полчаса. Сняв фуражку, вошел в полумрак церкви. Здесь было прохладно, даже зябко. Почти никого, только две женщины истово молятся перед иконой, да еще одна, в платке и длинной юбке, раскладывает товар в церковной лавке.

Он встал в самый дальний угол, стараясь, чтобы его не было видно. Не умеет он посещать храмы, с детства не приучили. Ни икон, ни молитв, ни порядков не знает. Но говорят же, что Бог всюду, Он все видит и все слышит, и Ему безразлично, соблюдаешь ты порядок или нет. Главное, чтобы ты обратился к Нему.

Неужели это правильно, что родители больше любят своих первенцев? Валерку, которого родила ему Алиса, он никак, ну никак не может полюбить с такой же силой и неж-

ностью, с какой любит своего первого сына, увезенного в Омск брошенной Баевым женой. Он старается, видит Бог, он заставляет себя, но отчетливо понимает, что его отношение к младшему сыну не идет ни в какое сравнение с отношением к своему первому ребенку.

То, что открылось сегодня в ситуации с Ванькой, вина его, Баева. Только его. Не нужно было уводить Алису от ее гражданского мужа, не нужно было разводиться с женой, с которой прожито столько лет... Алиса продолжала бы жить с отцом своего ребенка. Может быть, они бы и поженились в конце концов. Или Алиса нашла бы своего сказочного принца, которого до сих пор ждет. Но в любом случае она не жила бы с ним, с Игорем Баевым. С мужчиной, которого она не любит и никогда не любила. Почему он этого не понял вовремя, когда еще не было совершенно столько глупостей и непоправимых ошибок? Он был влюблен, это правда. Безумно влюблен, до потери здравого рассудка. Он не видел и не слышал ничего, кроме своей оглушающей любви к Алисе. И напором своих чувств лишил ее способности сопротивляться. Она пошла за ним. А что в итоге?

В итоге она быстро поняла, что не любит Игоря, человека немолодого и с тяжелым нравом. И стала смотреть по сторонам в поисках того, кого сможет полюбить. Знает,

что долго обманывать Баева не удастся и любая ее интрижка быстро выплывет наружу. И тогда он в любой момент может ее выгнать. Куда податься с двумя детьми? Кто поможет? Правильно, Ванькина бабка. Больше рассчитывать не на кого. Бабушка внука обожает, и этим Алиска нагло пользуется. Результат налицо: мальчишку обе женщины используют в своих интересах, Алиса — для обеспечения хорошего отношения со стороны неофициальной свекрови, бабка — для самоутверждения и поднятия своего реноме в профессиональной среде. Бедный, ни в чем не виноватый мальчик, которому не дали научиться думать самостоятельно. Этим двум курицам кажется, что они действуют во благо ребенку, а на самом деле оказывают ему медвежью услугу. И непонятно, можно ли еще что-то исправить или придется смириться.

И виноват в том, что так сложилось, именно он, Игорь Валерьевич Баев. Виноват и в том, что испортил жизнь Алисе, и в том, что его приемный сын растет интеллектуальным инвалидом. И во многом другом тоже он виноват...

— Ты что, сынок, тут стоишь? Не знаешь, какой иконе помолиться?

Баев не заметил, как к нему подошла сухонькая невысокая старушка.

■ — Подскажи, мать, куда мне подойти, что-

бы прощения попросить, — неожиданно для себя произнес он.

— Нагрешил, что ли? Провинился? — Старушка понимающе кивнула. — Тебе бы с батюшкой поговорить, а уж потом молиться. Ты сходи к нему, у нас батюшка очень хороший, отец Николай, понимающий, он тебя на путь наставит. Вон в ту дверь иди. Пойдем, провожу.

Разговаривать с батюшкой? Исповедоваться? Нет! Этого Баев совсем не хотел. Но почему-то покорно пошел следом за старушкой, которая, огибая небольшие группы уже собирающихся на службу прихожан, довела его до совсем незаметной снаружи двери и пропустила полковника в самую обычную комнату с письменным столом, книжными полками и несколькими стоящими вдоль стены стульями. За столом сидел батюшка, бородатый длинноволосый мужчина лет сорока с небольшим, в облачении, но с непокрытой головой, и разговаривал по мобильному телефону. На краю стола Баев заметил резиновый эспандер. Почему-то при виде телефона и эспандера ему стало легче.

Священник сделал приветливый жест рукой, приглашая посетителя присесть, быстро закончил разговор и обратился к Баеву:

— Чем могу помочь?

— Простите, — полковник встал и сделал шаг по направлению к двери, — вышло недо-